

УДК 821.111.09+821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124
<https://elibrary.ru/ngncgo>

EDN NGNCGO

Сюжет о смертной казни в творчестве У. М. Теккерея и И. С. Тургенева: «Как из казни устраивают зрелище» и «Казнь Тропмана»

Матвеенко Ирина Алексеевна

д. филол. н., профессор кафедры английского языка в сфере научной коммуникации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. rector@tsu.ru

SPIN-код: 1120-9546

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Статья поступила в редакцию 07.11.2024

Одобрена после рецензирования 16.04.2025

Принята к публикации 21.04.2025

Информация для цитирования

Матвеенко И. А. Сюжет о смертной казни в творчестве У. М. Теккерея и И. С. Тургенева: «Как из казни устраивают зрелище» и «Казнь Тропмана» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 117–124. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124. EDN NGNCGO

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ двух произведений на тему смертной казни – У. Теккерея «Как из казни устраивают зрелище» и И. С. Тургенева «Казнь Тропмана». Выделяются основные темы, затронутые писателями: моральный аспект наказания, психология осужденного, отношение общества к казни. Особое внимание уделяется контрасту между бесчеловечностью казни и повседневной жизнью людей, описываемой писателями. Проведенный анализ позволяет выявить несомненную общность Теккерея и Тургенева на поэтическом уровне – их произведения сближают повествовательные приемы, сюжетная структура, описания общества и попытка проникнуть в психологию приговоренного к смерти. Роднит эти произведения и цель написания – показать абсурдность и неприемлемость такого рода наказания, для чего оба автора используют жанр очерка как наиболее востребованный как в английской, так и в русской литературе. Однако столь же в «Как из казни устраивают зрелище» и «Казни Тропмана» очевидна и принципиальная разница изображаемых событий. Она прослеживается прежде всего на мировоззренческом уровне. Теккерей рассматривает происходящее с христианских позиций, что сближает его точку зрения скорее с Ф. М. Достоевским. Однако этот тезис требует проведения специального исследования. Тургенев же показал «Казнь Тропмана», пропустив событие через свое индивидуальное восприятие, не обосновывая точку зрения идеологически, акцентируя внимание читателей на своих ощущениях, чем предвосхитил рассмотрение события казни модернистским сознанием, когда оно переживается на уровне чувственного, субъективного опыта.

Ключевые слова: очерк; У. Теккерей; «Как из казни устраивают зрелище»; И. С. Тургенев; «Казнь Тропмана»; типологические схождения; русско-английские литературные связи.

Вопрос о смертной казни волновал на протяжении всего XIX в. как русских (В. А. Жуковский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев), так и западноевропейских писа-

телей (У. Теккерей, Ч. Диккенс, В. Гюго, Т. Гарди), так как в течение этого периода законодательство в отношении данного вопроса менялось, но само наказание достаточно долго со-

хранялось в юридических системах. В России высшая мера наказания применялась, по словам Николая I, «в исключительных случаях», в основном по решению военно-полевых судов, а также за государственную измену. В Европе же (Англии, Франции) смертная казнь продолжала активно применяться за более широкий список преступлений. Более того, в западноевропейских странах смертная казнь приводилась в исполнение публично (в России казнь исполнялась гораздо реже, но была окончательно отменена только в 1880 г.): «Пережитком средневековья являлась и публичность смертной казни. <...> Публичность смертной казни выполняла функцию общей превенции. Считалось, что изощрённость применяемых видов наказания должна была вызывать страх у людей и предостерегать их от возможного преступного поведения» [Маюров 2020: 48]. Справедливости ради стоит отметить, что публичное приведение высшей меры наказания в исполнение в Англии было отменено в 1868 г., а сама практика смертной казни значительно сократилась в этих странах только к концу XIX в. под давлением прогрессивных общественных сообществ, о чем говорит М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»: «Наказание постепенно перестает быть театром. И все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно; как будто постепенно перестают понимать функции уголовно-исполнительной церемонии, как будто этот ритуал, который “завершал” преступление, заподозрили в недолжном родстве с последним» [Фуко 2022: 13].

Тем не менее до этого момента публичные экзекуции проводились, обсуждались в печати и рассматривались в контексте литературных произведений. Достаточно вспомнить статьи Ч. Диккенса «О смертной казни» и «Публичные казни», В. Гюго «Смертная казнь» и др. Неслучайно, что все эти произведения достаточно быстро переводились на другие языки, порождая новые тексты и образуя своеобразный пенитенциарный дискурс, отражающий исторические перемены в юридических системах и гражданском сознании различных стран.

В этом контексте интересно рассмотреть два произведения – У. Теккерея и И. С. Тургенева, посвященные теме смертной казни, с точки зрения параллелей и различий в интерпретации в них самого события казни. Нами уже была рассмотрена переводческая рецепция очерка У. Теккерея на данную тему в статье «“Как вешают человека”: русский перевод очерка У. Теккерея» [Матвеенко 2024: 233–237], где последовательно доказана актуальность данной тематики для русского литературного процесса и вклад перевода в

формирование подобного дискурса в отечественной литературе. Не исключено, что этот перевод читал и И. С. Тургенев, хотя ознакомиться с этим произведением писатель мог и в оригинале. Думается, анализ точек схождения и расхождения может пролить свет на общность и специфику авторского мировоззрения двух выдающихся литераторов XIX в., выявить национальные и общелитературные особенности их творчества, поскольку, по утверждению Д. Дюришина, «различия между национально-литературными и межлитературными отношениями, разумеется, существуют, но не носят принципиального характера. При последовательно-объективном изучении и сопоставлении художественных структур эти две внешне разные области литературных фактов, разграниченные по широте “охвата”, не только взаимно дополняют, но часто внутренне взаимообуславливают одна другую» [Дюришин 1979: 61–62]. А румынский литераторовед А. Дима указывал на необходимость изучения тематики художественных произведений в компаративном аспекте: «Подлинное научное исследование такого типа не может обойтись без внимательного изучения традиционных линий темы, того, что связывает между собой произведения на протяжении веков, а также без выявления специфического, неповторимого характера каждого произведения с учетом исторических условий, в которых оно возникло» [Дима 1977: 100].

Исследователи взаимоотношений двух литературных гениев отмечают несомненную разницу в их мировосприятии. Так, С. Э. Нуралова пишет по этому поводу: «Присущая Теккерею позиция стороннего наблюдателя была неприемлемой для Тургенева, в творчестве которого наиболее важен анализ психологии современного человека, заблуждающегося и ищущего истину, страстно стремящегося к новой, лучшей жизни» [Нуралова 1989: 439]. На протяжении своей литературной карьеры русский и английский писатели встречались не раз, но, по документальным свидетельствам, очевидно, что им не удалось достигнуть взаимопонимания при всем их несомненном интересе друг к другу. Так, о многом говорит высказывание Тургенева по поводу реалистичности изображаемых в литературном произведении картин: «Я и прежде замечал, что французы менее всего интересуются истиной <...> В литературе, например, в художестве они очень ценят остроумие, воображение, вкус, изобразительность – особенно остроумие. Но есть ли во всем этом правда? <...> ни один из писателей не решился сказать им в лицо полной, беззаветной правды, как, например, у нас Гоголь, у англичан Теккерей» [Тургенев 1982: 318]. Очевид-

но, русскому писателю импонировала писательская манера Теккерея, причем этот интерес сохранялся на протяжении всей его писательской карьеры. Представляется, что сравнение двух произведений – «Как вешают человека» У. Теккерея и «Казнь Тропмана» И. С. Тургенева – позволит выявить не только различия, но и общность в их творческих подходах.

Очерк Теккерея был написан в самом начале его писательской карьеры (1840 г.), когда наряду с критическими атаками на жанр ньюгейтского романа литератор создает небольшую заметку о смертной казни, которая станет наиболее репрезентативным произведением с точки зрения реализации в нем авторского мировоззрения: «Ни один другой аспект карьеры Теккерея так глубоко не связан с его происхождением и личностью. На протяжении всей своей жизни Теккерей, по-видимому, был одержим идеей смертной казни как ужасающим физическим фактом, способным вызвать болезненное восхищение, и в то же время как личной проблемой, тесно связанной с его собственными размышлениями о смысле жизни и смерти, здоровье и болезни, а также о божественном участии в жизни человека» [Borowitz 1975: 750] (перевод наш. – И. М.).

И. С. Тургенев пишет «Казнь Тропмана» на тридцать лет позже очерка Теккерея, в 1870 г., как отклик на посещенную им экзекуцию в Париже этого же года и представляет собой «превосходный пример расследования события тонким наблюдателем, настойчиво стремящимся выявить моральные свойства этого явления» [Брумфилд 2009: 33]. Таким образом, схожие цели создания произведений продиктовали, несмотря на тридцатилетнюю разницу в написании, выбор аналогичного жанра – очерк. Оба автора использовали очерк как наиболее вос требованную форму взаимодействия с читателем: «Авторская активность в очерке несет в своем развитии, – пишет по этому поводу Е.А. Акелькина, – двустороннюю направленность на предмет и на читателя, выработка и усвоение читателем подлинно эпического ми роощущения совершается по мере проникновения внутрь закономерностей рассматриваемых явлений в самый склад рассказа о них» [Акелькина 2007: 13]. Именно такую «направленность» мы наблюдаем в рассматриваемых нами произведениях – авторы пытаются проникнуть в сущность рассматриваемого предмета (смертная казнь), попутно формируя у читателя определенную точку зрения в отношении этого явления. Более того, в обоих случаях авторы лично присутствовали на казни и вели своего рода репортаж с места событий. В очерках «выхвачен» приблизи-

тельно одинаковый отрезок времени – с ночи накануне казни до ее свершения утром.

Неслучайным представляется и то, что писатели присутствуют на казни, осуществленной хотя и в разное время, но в одном месте – Париже как центре европейской цивилизации и одновременно историческом месте рождения революций и насилия: «Абсурдность и опасность, исходившая от этой и подобных сцен <казни>, стали своего рода предзнаменованиями беспорядков будущего года, события которого (война и Парижская коммуна) были отражены в комментариях Тургенева и его коллег Флобера и Эдмона Гонкура» [Брумфилд 2009: 41]. В случае с Теккереем реакция толпы на публичную казнь предвещает события 1848 г., когда революционные события оказали огромное влияние на политическую ситуацию Европы.

Обращает на себя внимание и структурная схожесть произведений: оба автора последовательно описывают все этапы события – от подготовки до самой казни, фиксируя настроения личные и окружающих. Здесь видна и разница в повествовательной манере произведений – у Теккерея это одно из первых произведений, где он явно экспериментирует со словом, меняя пафос от ироничного до обличительного. Тургенев пишет «Казнь Тропмана», будучи уже опытным писателем, в его очерке прослеживается верность своей писательской манере. По наблюдениям У. Брумфилда, «Тургенев использует здесь <в «Казни Тропмана»> целый набор приемов, хорошо знакомых читателям его художественной прозы» [Брумфилд 2009: 33]. И тем не менее фокус внимания писателей оказывается удивительно схожим. И Теккерей, и Тургенев подчеркивают, что их пригласили посетить это мероприятие, так как «было интересно, какое впечатление произведет казнь на зрителей» [Теккерей 1975: 259]¹, отмечают бессонную ночь накануне события, ранний подъем для того, чтобы успеть занять место, с которого будет хорошо видно происходящее.

Непосредственно перед казнью оба автора включают описания улиц и людей, занятых своими повседневными делами, представляющие контраст будущему событию. Вот как описывает подготовление к зрелищу Теккерей: «Пока мы добрались до Холборна, город заметно оживился; народу на улицах стало раза в два больше, чем в каком-нибудь немецком бурге или в провинциальном английском городке. Во многих пивных уже открыли ставни, и оттуда стали выходить мужчины с трубками в руках. Вот они зашагали вдоль светлой широкой улицы, все без исключения увлекая за собой синие тени, ибо все они устремились в одном направлении и, так же как мы, спешат к месту казни» (2, 262). Сравним

с пейзажной зарисовкой Тургенева: «Народу на бульваре было немного больше обыкновенного. Одно разве можно было заметить: почти все люди шли – а иные, особенно женщины, даже трусили рысцой – в одном и том же направлении; притом все кофейные и кабачки горели огнями, что тоже редко бывает в отдаленных кварталах Парижа, особенно в такую позднюю пору» [Тургенев 1983: 132]². Оба писателя вводят в повествование описание обыденности забот обычных лю-

дей, их повседневной жизни и нездорового любопытства для создания контраста ужасу предстоящей экзекуции.

В двух очерках авторы рисуют собравшихся на казнь людей с натуры, создавая своеобразный микрокосм, который включает представителей высших (журналистов, членов парламента) и низших слоев общества (воров и проституток):

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелице»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
Лавки на противоположной стороне улицы теперь набиты почти до отказа нанявшими их людьми. Тут и молодые денди с усиками и сигарами в зубах, и тихие добропорядочные семейства каких-нибудь простых и честных торговцев, взирающие на все с невозмутимым спокойствием и мирно попивающие чай (II, 269).	Я подошел к солдатам: <...>. Лица из не выражали ничего, кроме скуки, скуки холодной и терпеливо-покорной; да и те лица, которые мне виднелись за киверами и мундирами солдат, за треуголками и сюртуками полицейских сержантов, лица блузников, работников, выражали почти то же – только с примесью какой-то неопределенной усмешки (XI, 136)

Равнодушие и обыденность – вот те черты, которые выделяют и Теккерей, и Тургенев в своих портретах, изображая нравы публики, собравшейся на это «развлечение», и которые оба писателя не могут принять. Говоря об особенностях тургеневского очерка, У. Брумфилд отмечает: «Рассказчику удается воссоздать атмосферу скуки, усталости, ужаса, в которой внимание переключается на стра-

дания наблюдателя, а не на осужденного на казнь (это обстоятельство резко контрастирует с работой Виктора Гюго 1829 года “Le dernier jour d'un condamné”» [Брумфилд 2009: 34]. Это замечание вполне применимо к произведению Теккерея.

Обрисовывая картину ожидания казни, оба автора детально фиксируют малейшие звуки и цвета как предвестники трагедии:

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелице»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
Когда раздался бой часов, необозримая густая толпа заколыхалась и пришла в движение. Всех вдруг разом охватило неистовство, и послышался чудовищный, ни на что не похожий и не поддающийся описанию рев, какого мне еще никогда не приходилось слышать. Женщины и дети пронзительно заголосили. Я не уверен, что различал бой часов. Скорее это был какой-то страшный, резкий, напряженный и нестройный гул, сливающийся с ревом толпы и длившийся минуты две. Виселица стояла перед нами – черная и пустая; черная цепь свисала с перекладины и ожидала своей жертвы (II, 271)	Гул толпы становился все сильнее, все гуще и непрерывней. <...> Гул этот поражал меня сходством с отдаленным ревом морского прибоя: такое же нескончаемое, вагнеровское crescendo, не возвышающееся постоянно, а с огромными разливами и колыханьями; острые ноты женских и детских голосов взвивались, как тонкие брызги, над этим громадным гудением; грубая мощь стихийной силы сказывалась в нем. <...> Это просто шум и гам стихии (XI, 138)

Теккерей пытается показать неестественность происходящего за счет применения многочисленных эпитетов, близких к готической лексике, – «чудовищный», «страшный», «резкий», «напряженный», «черная», «пустая», подчеркивая не только мрачность, но и отчуждение от происходящего. Казнь предстает как страшный ритуал, отделяющий осужденного от мира живых. Сама толпа

представлена у него как неуправляемая масса, она – «невообразимая», издающая «рев», на фоне которой виселица «ожидала своей жертвы». Тургенев сравнивает толпу с природной стихией – морем. По справедливому замечанию У. Брумфилда, «частым символом смерти и забвения <...> становится образ воды, моря, и тут напрашивается сравнение Тургеневым непрекраща-

ющегося ропота толпы перед казнью с шумом моря» [Брумфилд 2009: 40]. Тем не менее, при всей разнице этих описаний, очевидно, что оба автора ставят вопрос противостояния хаоса бессмысленности смерти, отмены воспитательной функции казни на фоне нравственной пустоты присутствующих на ней.

У. Теккерей «Как из казни устраивают зрелище»	И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»
<p>Курвуазье держался, как подобает мужчине, и шел очень твердо. Он был в черном, по-видимому, новом костюме, рубашка его была расстегнута. Руки были связаны спереди. Раз или два он беспомощно развел ладони и снова сжал их. Он огляделся вокруг. На секунду он задержался, и в его глазах выразились испуг и мольба, на губах появилась жалобная улыбка. Затем он сделал несколько шагов и стал под пепелищой, обратясь лицом к церкви Гроба Господня. Высокий мрачный человек в черном быстро повернул его и, вытащив из кармана ночной колпак, натянул его на голову заключенного, закрыв его лицо. Мне не стыдно признаться, что дальше я не мог смотреть и закрыл глаза, чтобы не видеть последнюю ужасную церемонию, препроводившую несчастную грешную душу на суд божий (II, 272)</p>	<p>Однако я еще раз взглянул на Тропмана. Он внезапно отклонился назад, и голову завалил, и согнулся колена, словно кто толкнул его в грудь, — «он в обморок упадет!» — шепнул чей-то голос возле меня ... Но он тотчас же оправился — и твердой поступью пошел вперед. <...> Я видел, как палач вдруг черной башней вырос на левой стороне гильотинной площадки; я видел, как Тропман отделился от кучки людей, оставшихся внизу, и взбирался по ступеням (их было десять <...> целых десять ступеней!); я видел, как он остановился и обернулся назад; я слышал, как он промолвил: «Dites à monsieur Claude ...». Я видел, как он появился наверху, как справа и слева два человека бросили на него, точно пауки на муху, как он вдруг повалился головой вперед и как подошвы его брыкнули ... Но тут я отвернулся — и начал ждать, — а земля тихо поплыла под ногами (XI, 148–149)</p>

При изображении осужденного Теккерей не скрывает свой симпатии к нему, а отсюда его сравнение «как подобает мужчине», фиксирует мельчайшие движения души приговоренного к смерти. Так же внимательно следит за Тропманом Тургенев. Однако, опираясь на свои предшествующие впечатления, русский писатель не смог найти в осужденном ничего, что могло бы оправдать его. Ведь ему, в отличие от Теккерея, была предоставлена возможность увидеть преступника еще когда он находился в камере, после чего Тургенев отмечает: «Но при виде этого спокойствия, этой простоты и как бы скромности, все чувства во мне — чувство отвращения к безжалостному убийце, к извергу, перерывавшему горла детей в то время, когда они кричали: “маман! маман!” — чувство жалости, наконец к человеку, которого смерть уже готовилась поглотить, — исчезли и потонули в одном: в чувстве изумления. Что поддерживало Тропмана?» (XI, 144). Это обстоятельство, несомненно, отличает тургеневские мысли от наблюдений Теккерея — в образе Тропмана он не находит никакой опоры для авторской симпатии. Тем не менее в представленных фрагментах есть и принципиальные параллели: оба наблюдателя пытаются проникнуть в психологию осужденного, выявить моти-

Еще одной общей чертой поэтики писателей является попытка через описание образа осужденного проникнуть в его психологию, выяснить причины, толкнувшие его на преступок и на этом основании найти оправдание для него:

И. С. Тургенев «Казнь Тропмана»

Однако я еще раз взглянул на Тропмана. Он внезапно отклонился назад, и голову завалил, и согнулся колена, словно кто толкнул его в грудь, — «он в обморок упадет!» — шепнул чей-то голос возле меня ... Но он тотчас же оправился — и твердой поступью пошел вперед. <...> Я видел, как палач вдруг черной башней вырос на левой стороне гильотинной площадки; я видел, как Тропман отделился от кучки людей, оставшихся внизу, и взбирался по ступеням (их было десять <...> целых десять ступеней!); я видел, как он остановился и обернулся назад; я слышал, как он промолвил: «Dites à monsieur Claude ...». Я видел, как он появился наверху, как справа и слева два человека бросили на него, точно пауки на муху, как он вдруг повалился головой вперед и как подошвы его брыкнули ... Но тут я отвернулся — и начал ждать, — а земля тихо поплыла под ногами (XI, 148–149)

вацию к совершенному поступку. Кроме того, оба отводят глаза в самый момент казни. Здесь уместно рассуждение по этому поводу американского исследователя Р. Л. Джексона: «Жест отвода глаз от обезглавливания как такового имеет в очерке принципиальное значение: он не только является собой окончательное воплощение настойчивой мысли рассказчика о том, что он не имеет права находиться там, где он есть, но указывает направление одной из главных идей очерка — а именно, что зрелище другого человеческого существа вовлекает в акт насилия самого зрителя» [Джексон 1988: 136]. Замечание, сказанное о «Казни Тропмана», вполне применимо и к очерку Теккерея — оба писателя чувствуют себя причастными к акту насилия и осознают, что все зрелище превращается не в акт возмездия, а в театральную сцену, где каждый играет свою роль.

Однако на фоне столь значительных точек схождения проявляются не менее значительные отличия в мировоззрении английского и русского писателя. Вот с какими вопросами обращается Теккерей к своим читателям: «Убей человека, и ты, в свою очередь, должен быть убитым, это непреложное sequitur <...>. Кровь за кровь. Но так ли это? Систему возмездия можно распространять ad infinitum <...>, — око за око, зуб за

зуб, как гласит древний закон Моисея. Но почему (не говоря уже о том, что этот закон отменен Высшей Властью), если вы лишаетесь глаза, ваш противник тоже должен потерять глаз? По какому праву? А ведь это так же естественно, как приговорить человека к смертной казни, и основано на том же самом чувстве. Но, зная, что мстить не только нехорошо, но и бесполезно, мы отказались от мести во всех менее существенных случаях, и только там, где речь идет о жизни и смерти, мы еще применяем ее вопреки рассудку и христианскому учению» (II, 275). Теккерей трактует казнь с христианских позиций как акт возмездия государства за преступление, совершенное перед законом, и в этом его позиция чрезвычайно близка исканиям русской общественной мысли второй половины XIX в. По мнению Н. С. Прокуровой, «русских писателей интересовало соотношение греха в христианском понимании с понятием “преступление” и степень осознания своей греховности преступником, а также наказание не только с юридической точки зрения, но и с христианской как справедливое возмездие за проступок в грехе, как суд Божий» [Прокурова 2001: 7].

У Тургенева мы находим обращение к читателю с фиксацией своей точки зрения: «Я буду доволен и извиню самому себе неуместное любопытство, если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере – отмены ее публичности» (XI, 151). На протяжении всего повествования русский писатель отмечает свое физическое неприятие всего увиденного – «тошноту» и «усталость». Несомненно, автор «Казни Тропмана» стремился показать всю абсурдность и бесчеловечность такого наказания, сохранив индивидуальную позицию наблюдателя, чем вызвал негодование и непонимание со стороны Ф. М. Достоевского. А. Б. Муратов объясняет такое неприятие следующим образом: «Но важно, что психология Тургенева, как рассказчика и свидетеля казни, рисовалась Достоевскому сугубо индивидуалистической. Тургенев же расценивал свои чувства и впечатления как важный документальный факт» [Муратов 2004: 77]. Как бы то ни было, очевидно, что автор «Преступления и наказания» не смог принять рассуждения Тургенева на тему, несвойственную его творчеству, предмет которой так хорошо был знаком Достоевскому. В этом его видение совпадает с мировоззрением Теккерея, который критиковал авторов ньюгейтских романов за незнание и идеализацию изображаемых картин.

Подводя итог проведенному анализу, отмечаем следующее: очевидна несомненная общность Теккерея и Тургенева на поэтологическом

уровне – их произведения сближают повествовательные приемы, сюжетная структура, описания общества и попытка проникнуть в психологию приговоренного к смерти. Роднит эти произведения и цель написания – показать абсурдность и неприемлемость такого рода наказания, для чего оба используют жанр очерка как наиболее репрезентативный с точки зрения воздействия на читателя. Однако столь же в «Как из казни устраивают зрелище» и «Казни Тропмана» очевидна и принципиальная разница изображаемых событий. Она прослеживается прежде всего на мировоззренческом уровне. Теккерей рассматривает происходящее с христианских позиций, что сближает его точку зрения скорее с Ф. М. Достоевским. Однако этот тезис требует проведения специального исследования. Тургенев же показал «Казнь Тропмана», пропустив событие через свое индивидуальное восприятие, не обосновывая свою точку зрения идеологически, акцентируя внимание читателей на своих ощущениях, чем предвосхитил рассмотрение события казни модернистским сознанием, когда оно переживается на уровне чувственного, субъективного опыта. Неслучайно появились недавние исследования о влиянии Тургенева на творчество, например, Э. Хемингуэя [Cirino 2010: 31–50]. Как раз в этом произведении русский писатель демонстрирует взгляд стороннего наблюдателя, что, по мнению С. Э. Нураловой, не привлекало его в творчестве Теккерея.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в круглых скобках.

² В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в круглых скобках.

Список литературы

Акелькина Е. А. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы). Омск: Изд-во ВПО «ОГИ», 2007. 140 с.

Брумфилд У. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. 272 с.

Джексон Р. Этика зрения: «Казнь Тропмана» Тургенева и взгляды Достоевского // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 133–150.

Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. 230 с.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 320 с.

Матвеенко И. А. «Как вешают человека»: русский перевод очерка У. Теккерея // Язык и культура: сб. ст. XXXIII Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2024. С. 233–237.

Майоров П. Н. К вопросу о практике применения смертной казни в Великобритании XIX в. //

Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1(59). С. 45–51.

Муратов А. Б. Очерк Тургенева «Казнь Тропмана» // Из истории русской литературы и филологической науки (вторая половина XIX – начало XX века): Статьи разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 69–86.

Нуралова С. Э. Записка Теккерея И. С. Тургеневу // Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. М.: Книжная палата, 1989. 488 с.

Прокурова Н. С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике. М.: Academia, 2001. 344 с.

Теккерей У. М. Как из казни устраивают зрелище // Собрание сочинений в 12 т. М.: Худ. лит., 1975. Т. 2. С. 259–276.

Тургенев И. С. Казнь Тропмана // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 10–11. С. 131–151.

Тургенев И. С. Письма о франко-пруссской войне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 309–325.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрем: пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 416 с.

Borowitz A. Why Thackeray Went to See a Man Hanged // Victorian Newsletter. 1975. Vol. 48. № 15–21. P. 745–758.

Cirino M. Beating Mr. Turgenev: “The Execution of Tropmann” and Hemingway’s Aesthetic of Witness // Hemingway Review. Vol. 30. № 1. Fall 2010. P. 31–50.

References

Akel’kina E. A. ‘Zapiski iz mertvogo doma’ F. M. Dostoevskogo: formirovanie poetiki ocherkovogo povestvovaniya (1840–1860-e gody) [‘The House of the Dead’ by Fyodor Dostoyevsky: The Formation of Poetics of Essay Narration (1840–1860s)]. Omsk, 2007. 140 p. (In Russ.)

Brumfield W. Sotsial’nyy proekt v russkoy literature XIX veka [The Social Project in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)

Jackson R. Etika zreniya: ‘Kazn’ Tropmana’ Turgeneva i vzglyady Dostoevskogo [The ethics of vision: Turgenev’s ‘The Execution of Tropmann’ and Dostoevsky’s view of the matter]. Voprosy literature [Literature Issues], 1988, issue 11, pp. 133–150. (In Russ.)

Dima A. Printsipy sravnitel’nogo literaturovedeniya [Principles of Comparative Literary Studies]. Moscow, Progress Publ., 1977. 230 p. (In Russ.)

Dyurishin D. Teoriya sravnitel’nogo izucheniya literature [Theory of Comparative Literary Studies]. Moscow, Progress Publ., 1979. 320 p. (In Russ.)

Matveenko I. A. ‘Kak veshayut cheloveka’: russkiy perevod ocherka U. Tekkereya [‘Going to See a Man Hanged’: Russian translation of W. Thackeray’s essay]. Yazyk i kul’tura [Language and Culture: a collection of articles of XXXIII International scientific conference]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2024, pp. 233–237. (In Russ.)

Mayurov P. N. K voprosu o praktike primeneniya smertnoy kazni v Velikobritanii XIX v. [On the application of the death penalty in Great Britain in the 19th century]. Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Legal Journal], 2020, issue 1 (59), pp. 45–51. (In Russ.)

Muratov A. B. Ocherk Turgeneva ‘Kazn’ Tropmana’ [Turgenev’s essay ‘The Execution of Tropmann’]. Iz istorii russkoy literature i filologicheskoy nauki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [From the History of Russian Literature and Philological Science (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries)]: articles from different years. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, pp. 69–86. (In Russ.)

Nuralova S. E. Zapiska Tekkereya I. S. Turgenevu [A Thackeray’s note for Ivan Turgenev]. Uil’yam Meykpis Tekkerey. Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie razyskaniya [William Makepeace Thackeray. Writings. Memoirs. Bibliographical Studies]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1989. 488 p. (In Russ.)

Prokurova N. S. Ne sotvori zla. K probleme prestupleniya i nakazaniya v russkoy khudozhestvennoy literature i publitsistike [Do No Evil. On Crime and Punishment in Russian Literature and Opinion Essays]. Moscow, Academia Publ., 2001. 344 p. (In Russ.)

Thackeray W. M. Kak iz kazni ustraivayut zrelishche [How a spectacle is made from an execution]. In: Thackeray W. M. Sobranie sochineniy [A Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, vol. 2, pp. 259–276. (In Russ.)

Turgenev I. S. Kazn’ Tropmana [The Execution of Tropmann]. In: Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy [A Complete Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Nauka Publ., 1983, vols. 10–11, pp. 131–151. (In Russ.)

Turgenev I. S. Pis’ma o franko-prusskoy voynе [Letters about the Franko-Prussian war]. Polnoe sobranie sochineniy [A Complete Collection of Works]: in 12 vols. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 10, pp. 309–325. (In Russ.)

Foucault M. Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Transl. from French. Moscow, 2022. 416 p. (In Russ.)

Borowitz A. Why Thackeray went to see a man hanged. Victorian Newsletter, 1975, vol. 48, issue 15–21, pp. 745–758. (In Eng.)

Cirino M. Beating Mr. Turgenev: ‘The Execution of Tropmann’ and Hemingway’s aesthetic of witness.

Hemingway Review, vol. 30, issue 1, fall 2010, pp. 31-50. (In Eng.)

The Plot of Death Penalty in William Thackeray's and Ivan Turgenev's Writings: 'Going to See a Man Hanged' and 'The Execution of Tropmann'

Irina A. Matveenko

Professor in the Department of English in Scientific Communication

Tomsk State University

36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia. rector@tsu.ru

SPIN-code: 1120-9546

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Submitted 07 Nov 2024

Revised 16 Apr 2025

Accepted 21 Apr 2025

For citation

Matveenko I. A. Syuzhet o smertnoy kazni v tvorchestve U. M. Tekkereya i I. S. Turgeneva: "Kak iz kazni ustraivayut zrelishche" i "Kazn' Tropmana" [The Plot of Death Penalty in William Thackeray's and Ivan Turgenev's Writings: 'Going to See a Man Hanged' and 'The Execution of Tropmann']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zareubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 117–124. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-117-124. EDN NGNCGO (In Russ.)

Abstract. The article provides a comparative analysis of two works on the theme of death penalty – W. M. Thackeray's *Going to See a Man Hanged* and I. S. Turgenev's *The Execution of Tropmann*. The main topics considered by the writers have been identified: the moral aspect of punishment, psychology of a condemned person, attitude of the society toward the execution. Special attention is paid to the contrast between inhumanity of the death penalty and people's everyday routine described by both writers. The analysis performed has revealed undeniable commonness of Thackeray's and Turgenev's writings at the poetic level – they have similar narrative approaches, plot structure, description of the audience, and both attempt to penetrate into the psychology of the condemned person. The purpose of writing the works also makes them similar – they both aim to show the absurdness and unacceptability of such a punishment. To this end, the writers use the genre of essay as the most relevant one in both English and Russian literatures. However, the comparison has established the principle and obvious difference between *Going to See a Man Hanged* and *The Execution of Tropmann*. It is particularly visible at the worldview level. Thackeray addresses the event from the Christian point of view, which unites his views with Fyodor Dostoyevsky's position (this point, however, requires special investigation). Turgenev shows Tropmann's execution through the prism of individual consciousness, without giving his ideological justification and attracting readers' attention mainly to the feelings of Tropmann, thus anticipating consideration of the death penalty by a modernist's consciousness, when the event is perceived at the level of sensory, subjective experience.

Key words: essay; William Thackeray; 'Going to See a Man Hanged'; Ivan Turgenev; 'The Execution of Tropmann'; typological similarities; Russian-English literature connections.